

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Никитенко Сергея Викторовича на тему: «Международно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в области медицины», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертационное исследование Сергея Викторовича Никитенко посвящено теме, актуальность которой не вызывает сомнений. С формально-юридической точки зрения искусственный интеллект относится к числу технологий, правовая значимость и вызовы которых признаются как на национальном, так и на международном уровне.¹ С фактической точки зрения, технологии искусственного интеллекта уже прочно входят в нашу повседневную жизнь. Хотя в целом науке они были известны достаточно давно (использование самого словосочетания восходит, как минимум, к 1956 году), и при этом даже правовая проблематика нейросетей сама по себе отмечалась уже не одно десятилетие, именно в последние годы происходит широкое распространение современных технологий искусственного интеллекта, основанных на машинном обучении и обработке больших массивов данных, в связи с чем актуализируются новые проблемные вопросы. Выбор конкретного ракурса, связанного с областью медицины, также нельзя считать случайным, поскольку данная область тесно связана с целым рядом прав человека, а данные (информация) в области медицины, используемые при функционировании систем искусственного интеллекта, как правило, подпадают под несколько специальных правовых режимов, в том числе врачебной тайны и специальных категорий персональных данных. Актуален и международно-правовой аспект проблемы, поскольку современные информационные системы часто опираются на сетевую инфраструктуру, распределенную по различным юрисдикциям, а согласование противоречивых интересов различных субъектов мировой политики в одном международно-правовом акте в области информационно-телекоммуникационных технологий представляет собой серьезный вызов и задачу.

Современный научный ландшафт изучения правовых проблем использования технологий искусственного интеллекта характеризуется обилием публикаций, научных и экспертных дискуссий, однако во многих случаях такого рода обсуждения носят повторяющийся характер и далеко не всегда предлагают оригинальные научные решения

¹ Только в Российской Федерации действует Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7), согласно которой технологии искусственного интеллекта отнесены к числу «сквозных цифровых технологий». Принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».¹ Более того, действует утвержденная Правительством Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р), в которой обобщаются принципиальные правовые проблемы применения технологии искусственного интеллекта. Активно развивается законодательство об искусственном интеллекте в зарубежных странах. На уровне ООН в 2024 году принята резолюция «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» и т.д.

или, по крайней мере, полезные научные результаты, отражающие работу по обобщению и систематизации различных правовых установлений, подходов и позиций, которые являлись бы примером правильного использования догматического метода в юриспруденции. Диссертационных исследований в области правовых проблем искусственного интеллекта на данный момент действительно мало, поэтому стремление автора проанализировать рассматриваемые проблемы на таком следует приветствовать. При этом сразу необходимо отметить, что собственно *правовое* исследование проблем искусственного интеллекта отличается от какого-либо другого, как технического, так и социогуманитарного, поскольку в центре права и научной правовой проблематики находятся правовые нормы как общезначимые и общеобязательные правила поведения, имеющие предостаточно-обязывающий характер. Для исследователя-юриста принципиально важно понимать именно функциональное назначение систем искусственного интеллекта (т.е. что они «делают» и как) как объекта общественных отношений, но не как технологии самой по себе, в отрыве от человека и общества. На этом фоне международно-правовые (подразумевается международное публичное право) исследования выделяются особо, поскольку в их центре находится не общая правовая проблематика в определенной сфере и не проблемы правового регулирования на уровне отдельной юрисдикции, а проблемы правового регулирования определенных отношений с точки зрения субъектов международного публичного права. Эта методологическая посылка предопределяет ожидания от работы.

Диссертационное исследование С.В. Никитенко выполнено на высоком научном уровне. Степень детальности, проработанности и взвешенности ключевых формулировок, отражающих результаты исследования, в различных частях его текста свидетельствует о глубокой вовлеченности автора в изучение проблематики. Несмотря на то, что дискуссии на тему правовых аспектов искусственного интеллекта часто являются достаточно общими, автору удалось этого избежать даже в достаточно располагающих к тому частях ведения. Например, автор точно определяет, иллюстрирует и выражает причины актуальности своего исследования (стр. 6–7), ёмко формулирует предмет, объект, цели и задачи исследования (стр. 11) и, что немаловажно, особенно в свете критического взгляда с точки зрения теории и философии права, характерного для автора отзыва, содержательно и не поверхностно характеризует методологию научного исследования (стр. 11–12), детально поясняя, каким образом применялись такие общенаучные методы исследования как анализ и синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделирование и абстрагирование. Без специальных пояснений автор упоминает применение специальных юридических методов исследования, таких как формально-юридический, герменевтический и сравнительно-правовой, однако их содержание юристам известно, а в работе прослеживается их последовательное применение. Прочие части введения к исследованию (степень разработанности темы, описание теоретической основы исследования, нормативно-правовой и информационной базы, научная новизна и др.) соответствуют высоким ожиданиям от исследования и являются дополнительным свидетельством качества работы автора, глубоко вовлеченного в изучение международно-правовой проблематики искусственного интеллекта. Достоинства исследования раскрываются и в его основном тексте и содержании – ценном источнике систематизированных знаний о международно-правовых проблемах регулирования отношений, связанных с различными аспектами использования технологий искусственного интеллекта.

Однако как и любая достойная работа, диссертация С.В. Никитенко располагает к отдельным замечаниям и дискуссионным вопросам, которые соискателю предлагается прокомментировать в процессе защиты. Так, среди отдельных технических замечаний можно отметить, в том числе, следующие. Сама тема диссертационного исследования обозначена как «Международно-правовое регулирование *использования* искусственного интеллекта в области медицины», тогда как предмет работы определяется через «отношения в области *разработки, производства, допуска в гражданский оборот, распространения и использования* систем искусственного интеллекта медицинского назначения, а также международно-правовой режим регулирования таких отношений». Глава 2 названа «Правовой *статус* искусственного интеллекта медицинского назначения», тогда как термин «статус» во многих направлениях правового дискурса обычно используется для обозначения правового положения лица, а не объекта, а работе автор сам отказывается от концепции правосубъектности искусственного интеллекта какого-либо вида. Есть и замечания иного толка – например, на стр. 17 в тринадцатом положении, выносимом на защиту принцип, который можно было бы назвать «проектируемой защитой» (как один из возможных вариантов) обозначается исключительно через англоязычную формулировку “protection by design” (по явной аналогии с «проектируемой защитой персональных данных» – “privacy by design” и т.п.). Такого рода замечания должны быть учтены в будущем, но не влияют на принципиальную оценку работы.

К более заметным замечаниям, которые явно (по мнению автора отзыва) нуждаются в комментариях со стороны автора исследования в процессе защиты, относятся те, которые связаны с основными положениями, выносимыми на защиту. Представляется, что диссертация С.В. Никитенко не избежала сценария, характерного для многих диссертационных исследований – на фоне основного содержания исследования конкретные формулировки основных положений представлены в несколько более скромном и общем виде, чем должно было быть в соотношении с основным содержанием. Такое положение дел происходит очень часто и, по всей видимости, объясняется стремлением к краткости формулировок основных положений. В связи с этим отдельные сильные места основного содержания исследования могут оказаться не так заметны на фоне обобщенных формулировок основных положений, выносимых на защиту. Собственно, детальная критика *формулировки* основных положений, выносимых на защиту, и определяет существо основных замечаний, адресуемых автору. Рассмотрим их последовательно.

1. В первом из положений, выносимых на защиту, автор утверждает: «Проведенное исследование показало, что использование ИИ в сфере медицины, биологии и фармакологии требует специального международно-правового регулирования, обеспечивающего разработку и внедрение в медицинскую практику безопасных технологий». Также автор отмечает, что «четкие международно-правовые установления в этой области не позволят недобросовестным участникам международных отношений использовать ИИ-технологии двойного назначения в противоправных и антигуманных целях, злоупотребляя научным потенциалом медицины». Возможно, автор отзыва заблуждается, однако данные утверждения сами по себе представляются довольно очевидными и декларативными. Автору исследования предлагается их конкретизировать с опорой на основное содержание работы, чтобы подчеркнуть научную новизну конкретно данного вывода.

2. Первую часть второго положения, выносимого на защиту, можно считать более чем конкретной: то, что перечисляет автор (а именно конкретные составляющие предмета международно-правового регулирования использования ИИ в сфере медицины – например, разработка, допуск к применению и т.п.) и составляет формально-юридическое выражение объема потенциального регулирования. Это является достоинством вывода. В то же время во второй части данного вывода автор указывает на невозможность заранее определить круг [конкретных] вопросов, подлежащих регламентации, и делает сопутствующие комментарии. С данным выводом нужно согласиться, однако нет ли возможности определить отдельные более конкретные принципы, в соответствии с которым некая особенность отношений, сопровождающих реализацию систем искусственного интеллекта, будет рассматриваться как проблема? Представляется, что вывод об этом можно сделать, основываясь на тексте диссертации.

3. В третьем положении, выносимом на защиту, следует положительно отметить конкретное описание приоритетных направлений международного сотрудничества. В то же время утверждение о возможности регулирования систем искусственного интеллекта в сфере медицины как на национальном, так и на международном уровне, а также преимущества, которые даст «создание единых международно-правовых регуляторов», на первый взгляд, представляется достаточно общим. Автору исследования предлагается конкретизировать те аспекты, которые, с учетом основного содержания работы, характеризуют новизну данного вывода.

4. Аналогичным образом предлагается прокомментировать и дополнительно обосновать новизну вывода, представленного в четвертом положении. Действительно, международно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в медицине, является частью системы международного права, предполагают применение соответствующих принципов и норм, которые могут быть использованы для преодоления правовых коллизий и пробелов. Спорить с этим невозможно. В то же время, представляется целесообразным дополнительно пояснить особенности вывода в данной области, сделанного именно автором исследования и именно на основе ключевого содержания своего весьма достойного исследования.

5. Вопрос такого рода вызывает и одиннадцатое положение, выносимое на защиту, в котором автор в качестве «специальных правовых принципов регулирования отношений, связанных с использованием ИИ» предлагает «принципы прозрачности, управления рисками, информированного согласия и безопасного использования». Автор отзыва считает, что автору принципиально необходимо при защите дополнительно обосновать, в чем заключается новизна конкретно данного вывода, поскольку о каждом из указанных принципов уже сказано немало – как в литературе, так и в документах стратегического планирования, да и в целом и в отдельных нормативных правовых актах, пусть и не всегда прямо относящихся конкретно к тематике искусственного интеллекта в медицине. Представляется, что автор должен иметь возможность пояснить, что именно в данном выводе является новым с учетом основного содержания исследования.

Пояснения по данным положениям, с точки зрения автора отзыва, должны позволить автору исследования более явно продемонстрировать то, в чем именно заключается его авторская концепция международно-правового регулирования искусственного интеллекта в медицине, о которой он говорит, описывая результаты работы. Со стороны автора отзыва

подобные замечания отсутствуют применительно к пятому, шестому, седьмому, восьмому, девятому (с поправкой на дискуссионный вопрос – см. ниже), десятому, двенадцатому (с поправкой на дискуссионный вопрос – см. ниже), тринадцатому и четырнадцатому положениям, выносимым на защиту, которые представляются достаточно конкретными и достойными в контексте работы без дополнительных пояснений.

И, что касается дискуссионных вопросов, которые хотелось бы предложить прокомментировать соискателю в связи с исследованием, в том числе в дополнение к тем выводам и аргументам, которые уже содержатся в основной части диссертации, то эти вопросы следующие:

1) Даже безотносительно современных геополитических вызовов, кризиса международного права и иных подобных обстоятельств и оценок, возможности международно-правового регулирования «информационного пространства» и сквозных цифровых технологий в условиях мировой политики последних лет представляются довольно спорными. По мнению многих юристов, занимавшихся правовыми проблемами еще «просто» информационно-телекоммуникационных сетей, в появлении достаточно подробного международно-правового регулирования в данной области необходимость назрела уже давно, хотя бы для разрешения проблем юрисдикции в Интернете, в то же время какого-либо акта в данной области не видно и близко. Отчасти это, вероятно, может объясняться тем, что интернет-пространство стало пространством информационного противоборства. Искусственный интеллект, кажется, лишь усиливает этот аспект за счет того, что эта технология в целом может лишь усугубить аспекты информационной конфронтации (за счет автоматизированного производства недостоверной информации, манипулирования данными и т.п.). Как автор исследования видит перспективы реализации отраженных в нем идеалов?

2) В девятом положении, выносимом на защиту, автор исследования указывает, что есть определенный круг вопросов, который не актуален в контексте применения иных новейших технологий. Возникает вопрос о том, в действительности ли это так и не может ли быть, что такой круг вопросов по существу актуален не только для иных новейших технологий, но и для технологий довольно «старых». Так, например, автор ссылается на вопросы, например, «об обеспечении прозрачности принятия алгоритмами решений», «особенностей привлечения к ответственности за вред, причиненный ИИ» и др. В то же время, вопрос об обеспечении прозрачности принятия алгоритмами решений может быть соотнесен с более общим вопросом, часто возникавшим в юридической практике и задолго до появления компьютерных технологий, – вопросом о том, по какому принципу функционирует то или иное техническое устройство, функционирование которого может иметь правовые последствия, если его принцип скрыт от окружающих и неочевиден. Вопрос об ответственности за вред, причиненный ИИ, может быть уподоблен вопросу об ответственности за вред, причиненный указанным в предыдущем предложении техническом устройстве, или же вопросу об ответственности за вред, причиненный домашним животным. Являются ли такие обобщающие аналогии обоснованными с точки зрения автора исследования? Если нет, то почему?

3) В двенадцатом положении, выносимом на защиту, автор исследования указывает, что «с точки зрения теории права имеются предпосылки для признания ИИ субъектом права, поскольку алгоритмы могут обладать юридической волей, а также могут быть

обособленными, т.е. способными принимать окончательные решения без вмешательства человека». Также на стр. 57 автор пишет, что «...мы можем обоснованно утверждать, что юридическая воля может быть инкорпорирована в ИИ», указывая ранее на «способность принимать самостоятельные решения и понимать их значение на основе анализа имеющихся данных и свободного выбора альтернатив действий...». По мнению автора отзыва, имеющемуся на данный момент, такие предпосылки *теоретически* могут постулироваться, но только исходя из теории фикции субъекта в целом (как в случае с отдельными видами и конкретными областями юридического существования юридических лиц, причем не всех), а не исходя из наличия полноценной юридической воли. В связи с этим, уточняющий вопрос: является ли, с точки зрения автора исследования, наличие самосознания у непосредственного носителя воли или у кого-либо из опосредованных носителей воли определенного лица в формально-юридическом смысле, обязательным условием наличия воли? И если нет, то почему?

Необходимо подчеркнуть, что приведенные замечания и дискуссионные вопросы не влияют на общую положительную оценку диссертации и обусловлены, прежде всего, вниманием к достоинствам работы, которая отвечает соответствующим требованиям, тогда как соискатель заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Никитенко Сергея Викторовича на тему: «Международно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в области медицины» соответствует специальности 5.1.5. Международно-правовые науки;

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный
университет»

Архипов Владислав Владимирович

26.03.2024г.